

18+

МАРИЯ ГРАФ

ПРИЧАСТНОСТЬ

Мария Граф

Причастность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40522540

ISBN 9785449625922

Аннотация

Его то много, то мало. Оно нас то лечит, то убивает. Мы его теряем, жалеем, тратим... Не бережем чужое и жаждем побольше своего... Это дар и наказание. И причастны все...

Содержание

И всю жизнь мы ждем, что это в конце концов соберется в настоящую жизнь...	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Причастность

Мария Граф

© Мария Граф, 2020

ISBN 978-5-4496-2592-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

И всю жизнь мы ждем, что это в конце концов соберется в настоящую жизнь...

Сэмюэль Беккет «Конец игры»

Никогда не запертая дверь от дуновения ветра качнулась больше обычного, и уличный свет забежал в узкий коридор. Потертый, никогда не моющийся пол, испещренный трещинами, обложенный крысиным пометом... в конце концов, обычный пол обычного подвала. Стены тоже обычные, грязные, облупившиеся и холодные. В правой стене еще одна дверь, попримечнее; на ней табличка, то есть что-то вроде таблички, правда, сейчас вечер, и трудно разобрать, что там написано. Но интересно....Эта дверь тоже не заперта....Как же она скрипит!!! Как только скрип прекращается, удается расслышать нечто неопишваемое. Со всех углов комнаты доносится мерное тиканье, где-то громче, где-то тише, где-то капризно, не в такт, где-то спокойно, неспешно. На все лады переговариваются между собой часы, заполонившие пустоты каморки. У противоположной стены под окном стоит стол, за ним спиной к двери сидит согнувшийся силуэт....А-а! Теперь мне понятно, что это за комната и кто её обитатель...

...Вадим и сам не понимал, как пришел к такому. Он просто жил, жил, где-то работал, потом эту работу потерял, стал снимать уже не квартиру, а подвал, который оборудовал под мастерскую по ремонту часов. Часы он чинил на совесть, оттого и в посетителях недостатка не было. Некоторые готовы были заплатить подороже за скорый ремонт, некоторые не торопились и приходили через день-два. Так вот те, которые хотели побыстрее, поневоле какое-то время сидели с Вадимом, пока тот чинил часы. Когда дорогую или даже не дорогую тебе, но очень знакомую и близкую вещь держит в руках другой человек, ты ревниво контролируешь каждое движение. Именно так и вели себя посетители первые две-три минуты, но когда они видели, как бережно Вадим вскрывает часы, чистит завод или даже просто меняет батарейку, возникало огромное доверие к этому человеку, и взгляд потихоньку скользил вверх по рукам, замечая уверенность в каждом движении.... А лица Вадима видно не было: он сидел, сильно ссутулившись, наклонив голову, и посетители умилялись про себя на его по-детски курчавые темно-русые волосы, в которые так и хотелось запустить руку. И это только казалось, что Вадим не обращал внимания на своих клиентов: образованию, которое он получил, мог позавидовать любой разведчик – наблюдательности, аналитического ума и сообразительности ему досталось с лихвой. Он по внешнему виду часов мог составить красочную картину внутреннего вида их обладателя.

Бывали и странные случаи: приходил какой-нибудь человек и жаловался, что часы убегают вперед, а оказывалось: они шли точно, просто сам хозяин жил так, что отставал от них. Или наоборот, энергичная, вся такая деятельная дамочка нервозно заявляла: «Сделайте с ними что-нибудь. Они постоянно отстают, из-за них я вечно опаздываю!» И Вадим, на самом деле понимая причину, просто чистил завод, а потом уверял, что часы теперь даже будут спешить на несколько минут.... За свою работу он брал умеренную плату, поэтому к нему приходили очень часто, в итоге он зарабатывал достаточно для сносного проживания денег. Постоянного чувства голода он не испытывал... по крайней мере, оно его не донимало и голова была свободна от размышлений о еде. Она, то есть еда, существовала как-то особняком, как другой человек. Вадим ходил в магазин, будто на встречу, покупал необходимое, клал в холодильник и... отстранялся. Ел всегда в положенное время – по часам никогда не хватал куски, всегда доедал до конца с немой благодарностью, заворачивал хлеб, бережно ставил кастрюлю на плиту и молча уходил из кухни, то есть из того огороженного пространства, которое было отведено для готовки пищи. Поев, он снова вливался в то в р е м я, которое диктовали часы в комнате. Некоторые принадлежали ему, некоторые были просто забыты беспечными хозяевами. Вадим уже давно подметил, что если за часами не следить, они обязательно перестанут показывать время, установленное челове-

ком, они или убегут, или начнут отставать, но все непременно будут идти по своему неведомому графику. Потому что то время, по которому якобы живет человек, время физическое, – просто не существует, это ерунда! Есть одно время. И его не измеришь ударами маятника и оборотами стрелок. Это Вадим прочел в первом томе сочинений Анри Бергсона и с огромным удовольствием отметил, что сам всегда считал так же. Но он не мог отнять у людей то, к чему они привыкли, чем гордятся и что считают неотъемлемой частью существования. У него вообще было странное отношение к людям. Когда приходили посетители, Вадим (вроде бы делая положенную работу) внимательно за ними наблюдал, находил какую-то индивидуальность... и сразу вбирал ее в себя. В комнате обязательно появлялись вещи, которые так потрясали его в рассказах других людей, он покупал книги, о которых вскользь упоминали разболтавшиеся клиенты. Вадиму казалось, что каждый человек неслучайно приходил именно сюда; значит, он должен был передать Вадиму что-то, чего, может, так не хватает в жизни часовщика. Если посетитель начинал рассказывать о себе, он уже становился частью жизни Вадима. Но посетители уходили, приходили другие, надо было постоянно привыкать к новым людям, копя в себе тяготы, боль и истории... ;

Выдавались свободные вечера, он садился к окошку и весьма самозабвенно представлял, как кто-то из его знакомых сидит сейчас на дорогом мягком диване, укутавшись

и потягивая чай, и решает свою труднейшую жизненную дилемму... Брызнувшая на подоконник капля отвлекала Вадима от мечтаний и напоминала, что на ночь окно лучше прикрыть, а то беспечная весенняя капель мигом зальет все часы на столе. Вадим послушно закрывал окно, обходил свои владения, проверял самочувствие часов и ложился спать.

*2

...Утром он проснулся от грохота – видимо вечером, не совсем плотно закрыл окно, а ветер вздумал пошалить. До того времени, как Вадим открывал мастерскую, оставалось еще два с лишним часа – можно было сходить в магазин и просто погулять. Он накинул серое пальто со стоячим воротником и вышел, захватив часы, которые заказчик, а вернее заказчица, оставила на несколько дней и попросила за дополнительную плату принести на дом. Вадим охотно соглашался относить заказы, и совсем не из-за денег. Просто ему нравилось заходить в чужой дом, подниматься по чужой лестнице, а потом по вечерам долго смотреть в чужие окна.

Он положил часы во фланелевый мешочек, сунул его в карман, захлопнул дверь, завернул в арку и вышел на улицу. У него, как и у всех жителей города, была «болезнь подполья». Не хватало света. Темное время года длилось около семи-восьми месяцев. Солнца в избытке было только летом. А когда оно заканчивалось, очень хотелось гулять по освещенным улицам или большим паркам. Это сильно действовало на психику. Постоянное нахождение в подвале, темных

помещениях вызывало световое голодание; Вадим весь город делил на светлые и темные районы. Светлые он любил, но в темных чувствовал себя комфортнее. Светлые были для него как божество, перед которым поклоняешься, но чувствуешь себя ущемлено. И если заказчик жил в светлом районе, он становился для Вадима еще более значимым и недостижимым человеком. На этот раз часы надо было отнести старушке, живущей совсем недалеко, в соседнем квартале. Он дошел до Семеновского моста. По обыкновению остановился: восход и закат на Фонтанке всегда заставляли его убавить шаг, как бы он ни спешил.

Сейчас был восход. Солнечные лучи расплылись по воде, ветер, балуясь, гонял волны и мелкие льдинки из стороны в сторону. Река как будто тянула время, ожидая чего-то. Она была медлительна и неповоротлива. «Лентяйка», – улыбнулся Вадим, перешел площадь, перешел на другую сторону и снова погрузился в темноту. С обеих сторон улицу охраняют высокие дома с узкими окнами в глухих стенах и огромными арками-подворотнями. В одну из них и зашел Вадим. Это так только кажется, что все дворы-колодцы похожи друг на друга. Только кажется, что ничего особенного не может быть в стенах, наружных лифтах и узких окнах. Вадим, исследовавший множество подворотен, при виде этой как-то сконфузился: одна из стен, самая высокая, была абсолютно глухой – без единого окошка и напоминала расстрельную стену. В нее упиралось огромное дерево с ветвистой кроной,

которое росло, казалось, сверху вниз и тянулось к тебе своими ветвями. Сам дворик был небольшим по площади и даже доступен для солнечных лучей, но они почему-то его явно игнорировали. Оттого еще кое-где серел снег, не было никакого намека на весну. А она уже уверенно шагала по городу. Тем временем Вадим совсем неуверенно достал из кармана мешочек с часами, вынул оттуда листок с адресом и, повторив про себя номер квартиры, стал отыскивать нужный подъезд. На первом табличка с номером отсутствовала, да и не могла квартира 25 быть в первом подъезде. Вот пятый подходил по всем параметрам, но... в записке указано «самый последний этаж», а по подсчетам 25 квартира должна быть на первом... Значит, она все-таки в четвертом подъезде... на чердаке. Это был единственный подъезд во дворе с наружной лестницей.

Как только Вадим открыл дверь, в нос ударил трезвящий запах аммиака, а в глаза – не то что крошечная, а безобразная темнота. Вадим не решился двигаться с места, пока глаза не привыкли. Первая ступенька была стерта почти до основания, так что путь пришлось начинать сразу со второй. Так потихоньку, кое-где опираясь на перила, кое-где на ощупь он дошел до четвертого этажа и остановился. Где дверь на чердак? А почему он решил, что здесь должна быть дверь? Прорез в стене, когда-то напоминающий арку, за ним узкая крутая лестница – вот и дорожка к заказчице. Теперь понятно, почему старушка не захотела приходить за часами – лиш-

ний раз совершать променады по такому маршруту и здоровому молодому человеку не в радость. Дверь в квартиру была ниже обычной – как раз по росту хозяйки. Звонка Вадим не нашел (да и не было его), поэтому стал стучать. Делать это пришлось долго, наконец, за дверью начало что-то звенеть, стучать, брякать – ох и заперлась же старушка, – и перед Вадимом предстала милая бабулька, лицо которой часовщику понравилось еще тогда, в мастерской; но здесь, в своей квартире, в своем мире оно было еще добрее и грустнее.

– Здравствуйте, помните меня, я вам часы починил.

– Починил-починил, – пробормотала старушка. – Ты только на пороге не стой, не хорошо это. Зайди, не бойся. Тебя как зовут? Я в прошлый раз и спросить забыла.

– Вадим.

– Вот и ладно.... А у меня сын был... Вадим.... А я Лидия Матвеевна.... Проходи, милый. Долго с часами-то мучился?

– Нет, не очень. Они еще вас... то есть они долго будут ходить. Там надо было завод почистить и деталь заменить – истерлась. Вы когда в последний раз их чинили?

– Не помню, – торопливо сказала старушка. Видно неприятное что-то связано с тем временем. – Тебе денег-то хватило, я ничего не должна?

– Нет, что вы! Все в порядке.

Вадиму почему-то сразу очень не захотелось уходить отсюда. Но о чем ему говорить с заказчицей? Просто попросить чая? В уборную? А старушка молчала и пристально

смотрела в глаза гостю.

– Если они поломаются, вы пришлите какого-нибудь мальчонку соседского ко мне, я зайду, исправлю все.

– А я и сама могу прийти. Что мне делать еще? Я сама зайду. Вот буду гулять и зайду... А ты, может, чая хочешь?

– Да нет, спасибо, – нерешительно ответил Вадим с такой интонацией, чтобы его стали уговаривать. А сам уже жадно всматривался в обстановку квартиры, старался побольше запомнить всяких мелочей. Мелочей, которые составляли быт чужого человека... Но старушка и не пыталась уговаривать:

– Ну, смотри, как хочешь, – сказала она так железно и бесповоротно, что не уйти было бы просто неприлично. С чувством такта у Вадима было все в порядке, поэтому он попрощался и вышел. За спиной его снова послышался скрежет, звон – Лидия Матвеевна закрыла дверь...

Вадим спустился вниз, повернул налево и через арку вышел на улицу....Надо было еще купить что-нибудь поесть. Машинально похлопав себя по карману, он услышал звон мелочи, вздрогнул как будто от холода и пошел вперед... площадь... мост...

«Ну одинокая ведь, поговорить не с кем, обычно такие бабульки рады кого-нибудь к себе завести и болтать без умолку, вешать на любого встречного 70-летний груз воспоминаний, слез и причитаний... А эта нет», – не мог успокоиться Вадим. Ладно, если б старушка загадочной была, жила бы с черным котом и мистически подмигивала гостю зор-

ким зеленым глазом. А то ведь самая обыкновенная, маленькая, миленькая, с круглым личиком, бессовестно тронутым морщинами, с серыми детскими глазами, доброй улыбкой. Она не походила на обычных посетителей Вадима. Те были людьми расторопными, энергичными. А ей будто и не нужны часы, куда ей спешить, зачем следить за временем? Неторопливость, задумчивость в разговоре создавали странный образ – некоего всезнающего мудрого учителя, который не сразу раскрывает ученику все секреты, а медленно, спокойно о чем-то рассказывает с таким благородным превосходством, давая понять, что вот, мол, придет время – сам все узнаешь.

Резко затормозившая машина оторвала Вадима от этих мыслей. Он увидел, что давно прошел и свою арку, и магазин. А скоро уже нужно было открывать мастерскую. Он быстро перешел через дорогу, зашел в магазин, купил хлеб, овощи, макароны и вернулся домой. Пока готовил себе завтрак, взглянул на окно и подумал, что ему, то есть окну, очень бы пошел широкий подоконник, какой он видел у Лидии Матвеевны. Под подоконником на столе было бы удобно хранить часы – никакой дождь не замочит, даже если форточка не закрыта. Он отыскал у себя широкую доску и кое-как приделал ее к окну. Получилось не очень аккуратно и не очень надежно – как никак руки Вадима больше привыкли к ювелирной работе. Но все же он остался доволен и даже не рассердился на выкипевшую воду и пригорев-

шие макароны. Пришлось просто обжарить хлеб, потушить помидоры и съесть все, запив чаем. Он ел и любовался своим творением. В это время, когда у него появилась такая же вещь, как и у старушки, ему вдруг показалось, что он имеет право на большее, имеет право узнать что-то о ее жизни. И это ощущение, такое порывистое, смелое, решительное ощущение странной близости и родства придало ему бодрости, захотелось, чтобы скорее закончился рабочий день и можно было выйти из дома.

*3

День действительно прошел достаточно быстро: было всего четыре посетителя, причем один заплатил довольно много – часы дорогие, да и ремонтировать их долго. В положенное время Вадим закрыл мастерскую и отправился на прогулку. Теперь с каждым днем темнело все позже, воздух становился влажно-теплым, весенним. В такие моменты Вадиму всегда хотелось сделать что-нибудь дерзкое, запрыгать посреди улицы, закричать, пойти туда, куда в обычные дни никогда бы не пошел. Это оттого, что настроение хорошее, оттого, что все кажется светлым...

Машины так же неслись в одну сторону, до светофора идти не хотелось, и Вадим перешел улицу прямо напротив своей подворотни, недовольный водитель просигналил пронзительно и резко и пролетел мимо. В такое время гулять хотелось не только Вадиму – казалось, что все горожане долгом своим считали выйти на улицу и проследить, как весна ведет

себя в Петербурге, не слишком ли она медлительна, скромна, не собирается ли вообще не приходить. Нет, весна была совсем нескромна, даже чересчур смела и решительна. Она дерзко топила снег и согревала деревья, сбрасывала с крыш сосульки и стягивала с людей одежду. Кто-то с удовольствием переходил на более легкий вариант, кто-то с недоверием еще кутался в зимние вещи. Надо признаться, что вечер был действительно теплым, Вадим распахнул пальто, перебежал через мост, подмигнув Фонтанке и пообещав вернуться через час. Еще несколько минут и он был уже в заветной подворотне. С утра здесь ничего не изменилось, только машина одна загорела подход к лестнице. В этот момент Вадим почувствовал свое сердце, оно билось почему-то не в груди, а в голове, даже в глазах потемнело. Он поднялся по лестнице, открыл дверь парадной... удары сердца теперь были как маятник: один удар – одна ступенька. Непонятное чувство возрастало с каждым шагом. Это как восторг ребенка, который прячется за углом и знает, что вот-вот его найдут, он и ликует, и боится, вскрикивает, смеется... Так и Вадим с замиранием поднялся до последнего этажа, увидел знакомую арку. Надо было еще набраться смелости, чтобы без причины прийти к незнакомому человеку, но за 10 секунд, которые бы он потратил на преодоление последних ступенек, причины не придумать. Да и не волновало это Вадима, у него внутри была такая огромная причина, такой порыв: чужая жизнь, целый мир, целая история и он мо-

жет ей овладеть, он может к своей жизни приклеить другую, может свою судьбу подкрасить настроением постороннего, может пережить все его страхи и радости, может в комнате выделить место для чужой жизни... Вадим постучал в дверь. Постучал еще раз, сильнее. За дверью снова раздался стук, скрежет. На этот раз Лидия Матвеевна спросила:

– Кто там?

–В-Вадим....часовщик... я к вам сегодня утром заходил... откройте, пожалуйста....

Лидия Матвеевна сразу открыла дверь, как будто весь день ждала гостя:

– Здравствуй, что-то случилось, милый?

– Нет. То есть я, – надо что-то придумать, зачем я пришел, зачем я пришел. – Я вроде у вас забыл бумажку с адресом другого заказчика. Наверно, положил в мешок вместе с вашими часами, а вытащить забыл. Вы не посмотрите?

Старушка улыбнулась на такую откровенную неправду, – ну кто бы стал класть адрес в мешочек другой заказчицы, адрес, если его вообще записывают, кладут вместе с часами владельца...

– Ну ты же при мне доставал часы, не было там никакой бумажки, разве не помнишь. Уж мне-то сколько лет, а я вот помню. Если хочешь, конечно, сейчас посмотрим.

Она зашла в комнату, принесла фланелевый мешочек, часы в нем лежали до сих пор, словно их отремонтировали просто так, не для чего.

– Смотри, нет здесь ничего.

– Да... нет... куда же я мог его деть...

Ничего не оставалось, как извиниться за вторжение и уйти, но ведь хотелось остаться, поговорить. У Лидии Матвеевны так вкусно чем-то пахло: то ли выпечкой, то ли топленым молоком. Совсем не было ощущения затхлого и спертого воздуха, который обычно бывает в квартирах у бабулек, редко открывающих форточки, боясь сквозняков. Теплая волна вкусного, нежного, аппетитного воздуха шла из кухни, обволакивая и успокаивая. Давно уже Вадим не ел чего-то настоящего, печеного, своего. И видно он так погрузился в мечты о съестном, что это мигом отразилось на его лице. Не глупа была старушка...

– А я вот как раз пеку пирожки, яблок вчера на рынке купила дешевых, такие хороши для пирожков... они уже в духовке, ты подожди чуток, чаю со мной попьешь... подождешь?

Ну слава Богу, свершилось! Все, первый шаг есть, осталось только взять столько, сколько сможешь...

– Подожду, конечно, но мне как-то неудобно, напротился получается. Я ведь на самом деле из-за адреса пришел.

– Перестань, поешь, отдохнешь. Небось, работал весь день. Попробуешь мои пирожки, а то ведь мне и некого угостить... я уж так решила испечь – сметана осталась, мука, а то так и испортиться недолго. Не люблю, когда в холодильнике еда залеживается – как будто никто не живет. А я хоть

и одна, но живая и списывать себя не собираюсь... знакомых мало, соседки уже в маразм впали... да ты садись, я ведь так долго говорить могу.

Вадим прошел в кухню. Вокруг маленького стола стояли несоразмерно большие стулья, прикрытые белыми тряпочками. На столе солонка, сахарница, большая и пузатая. Ни одной крошки, ни одной лишней вещи. В духовке пеклись пирожки, а на плите кипел чайник. Лидия Матвеевна выключила его, заглянула в духовку:

– Ну, скоро уже будут готовы. Ты садись, расскажи мне о себе и не думай, что я просто так, мне на самом деле интересно.

Больше всего Вадиму не хотелось думать о себе в этот момент. Нечего было рассказывать. Свою жизнь он не считал темой для беседы, она не представляла для него интереса. И кстати, он даже никогда не задумывался, что жизнь – это история; целая канва, сеть случайных и неслучайных переплетений, событий. Но все, что составляло его жизнь, казалось Вадиму безликим, лишним. Он постоянно ждал чего-то, ускоряя ход времени. Он словно сжигал день за днем в ожидании какого-то события. Но даже само ожидание было странным – медлительным...

– Ой, я... не надо. Лучше вы расскажите о себе. Вам же есть о чем вспомнить.

Лидия Матвеевна на минуту задумалась и улыбка исчезла с ее лица. Вадим увидел каждую морщинку. Особенно много

их было там, где у восточных женщин сходятся брови. Морщинки эти – признак слишком частой сосредоточенности, напряженности, а нередко – след перенесенного горя.

Лидия Матвеевна взяла тряпку, открыла духовку и достала противень с румяными, аккуратно выложенными в несколько рядов пирожками. Противень она поставила на стол, пирожки сбрызнула водой и накрыла полотенцем.

– Вот, немножко постоят, помягче станут. А-то у меня зубов-то маловато, – она замолчала, глубоко вздохнула, словно собиралась с силами. – Да у меня тоже жизнь – не для рассказов за чаем. Я давно не работаю, на пенсию живу. Одна живу. Сын был... да как 20 лет назад ушел, так и не видела я его. Молоденький был – 23 года. Искала. Везде искала. По всем ведомствам ходила, сотни бумаг подписывала там, сотни записок оставляла в церквях – ничего. Через 3 года выдали мне официальную справку – пропал без вести – и на том прекратили дело. Я до сих пор жду-жду, а надежды все меньше.

– Его тоже Вадимом звали, да?

– Да, Вадимом. Сейчас бы ему 43 было. Может, живет где-то, детишки есть, жена любимая. Господи! А если его на свете нет, ...я же даже не похоронила. И на могилку не сходить. И свечку как ставить – за здоровье... или за упокой? Я за здоровье ставлю.

Она откинула полотенце с противня, взяла широкую, плоскую, с голубым ободком тарелку, выложила на нее пи-

рожки и поставила на стол. Потом из шкафчика достала вторую чашку с блюдечком, вымыла ее, делая все машинально и с какой-то умиленностью. Вадим отчетливо видел, как лицо ее преобразилось, вроде даже морщинки разгладились, губы сжались в строго-милой улыбке, а в глазах появилось что-то теплое, мудрое, одобрительное, ласковое... материнское. Вадим понял, что она хочет в нем увидеть сына, чуть поухаживать за ним, налить чая, накормить, выслушать, выплакаться, согреть... Только ему этого совсем не хотелось. Не то чтобы не хотелось, а было как-то все равно. Он совершенно о другом думал и другого ждал. Он никак не стремился стать кем-то, стать героем, сыграть свою роль в жизни Лидии Матвеевны. Вадим совсем не был черствым, он понимал горе этой женщины, но не чувствовал в себе сил помочь. А она, уже совсем растроганная своею же историей, терзающим воспоминанием, смотрела на Вадима так, что если б он только позволил прижать себя к груди, разворошить кудрявые волосы и оросить их материнской слезой – она стала бы самой счастливой. Такой, какой может быть одинокая женщина, потерявшая ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.